

М. Б. Свердлов

К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА КРАТКОЙ ПРАВДЫ РУССКОЙ

Со времени открытия В. Н. Татишевым Краткой Правды Русской (далее – КПр) прошло около 280 лет. За это время создана значительная библиотека, содержащая исследования, посвященные ее самому тщательному изучению¹. Текст КПр обратил внимание историков на сложную структуру этого замечательного памятника древнерусского права. Одну группу статей 1–18 (здесь и далее нумерация статей приведена в соответствии с академическим изданием Правды Русской²) стали называть в научной литературе Правдой Ярослава, или Древнейшей Правдой. Статьи 19–41 назвали Правдой Ярославичей в соответствии с предваряющим их текстом – «Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодь, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула» – или Домениальным уставом, исходя из того, что в них содержатся нормы правовой защиты княжеского хозяйства. Текст КПр завершили Покон вирный, названный в нем «урокъ Ярославль» (ст. 42), и «урокъ мостыниковъ» (ст. 43).

Статьи так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды были посвящены преступлениям против человека, похищению его

¹ Обстоятельные исследования, посвященные историографии и археографии Правды Русской см.: *Калачев Н.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. С. 1–42; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 7–32; *Юшков С. В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 225–239, 272–287; историографические исследования 1930-х–1970-х гг. С. Н. Валка см.: *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 189–411; *Кочин Г. Е.* Русская Правда // Советское источниковедение Киевской Руси: историографические очерки. Л., 1979. С. 35–47; *Гальперин Г. Б.* Древнерусское право // Там же. С. 209–216; Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 28–132; *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999. С. 11–28; *Knoph J. T.* Den Ros'ka Rättens Rötter. En historiografisk studie av åsikterna om den ryska rättens ursprung. Uppsala, 1994; *Baranowski G.* Die Russkaja Pravda – ein mittelalterliches Rechtsdenkmal. Frankfurt am Main, 2005. S. 51–157.

² Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. 2: Комментарии / сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров, Б. А. Романов / под ред. Б. Д. Грекова.

движимой собственности, коня, включая укрывательство беглого зависимого человека, челядина, холопа, а также судебным следственным действиям в связи с этими правонарушениями. Правовые нормы так называемой Правды Ярославичей, или Домениального устава содержат наказания за нападения на свободных и зависимых людей княжеского хозяйства, за похищение разного вида княжеской собственности. Статьи последнего вида сформулированы расширительно и могли относиться к защите собственности свободных людей разного социального статуса. Всем статьям КПР свойственна дифференцированная система судебных штрафов за правонарушения.

Структура текста и его содержание создавали у исследователей впечатление, в соответствии с которым нормы Правды Ярослава были сформулированы в архаическом обществе. Они расходились только во мнениях – это общество времени княжения Ярослава Мудрого (ум. 1054 г.) или более древнее. Содержание статей так называемой Правды Ярославичей свидетельствовало, по мнению исследователей, об общественных отношениях и отношениях собственности, значительно более развитых во время их совместного управления страной в 1054–1068 гг. Такая интерпретация содержания норм КПР особенно утвердилась в литературе 1930–1980-х гг., когда на нее воздействовали идеологемы псевдомарксизма, представлявшего собой экономический материализм. Их содержанием стало утверждение прямых и жестких взаимных связей экономических, социальных, политических, правовых и идеологических. Но при использовании текста КПР многие исследователи не учитывали его историю. Не учитывалось также в достаточной мере содержание исторического процесса, в котором текст КПР формировался.

Еще в XVIII в. В. Н. Татищев и И. Н. Болтин предположили происхождение норм КПР в древнейший период, до X–XI вв. Последующее развитие исторической науки позволило на основе системно-структурного и генетического анализа раскрыть содержание исторического процесса, в котором происходил процесс формирования нормативного состава КПР. В связи с празднованием тысячелетия Правды Русской целесообразно вернуться к проблеме формирования ее древнейшего текста, изданного Ярославом Мудрым. В ее изучении в равной мере важно определить происхождение ее нормативного состава и воздействие на него событий 1015–1016 гг., которые определили его содержание: восстание новгородцев против варягов, его подавление Ярославом, примирение князя с новгородцами и их активная поддержка во время его вокняжения в Киеве³.

³ Основу последующих наблюдений составляют выводы с определенными дополнениями и коррективами ранее выполненных исследований: *Свердлов М. Б.* От Закона

Уже праславянская лексика (V–VI вв.) отразила судебную практику и развитую судебную терминологию того времени: *sǫdъ ‘суд’, *zakonъ ‘закон’, *pravo ‘право’, *pravьda ‘правда’, *rědъ ‘связь, порядок’ и т. д. Праславянская лексика содержала также термины системы наказания: *vīra ‘вир’, *mьzda ‘мзда’, *kaга ‘кара, наказание’, *kazнь ‘наказание’ и т. д. Понятия правонарушения конкретизировались в специальных обозначениях нарушений права и правонарушителей: *tatъ ‘вор’, *golъ- в обозначениях убийцы и платы за убийство.

В VII–IX вв. восточнославянские племенные структуры эволюционировали в предгосударственные образования межплеменных союзов и племенных княжений. Примером последних является включенное в состав Древнерусского государства племенное княжение древлян во главе с князем Малом. Это княжение хорошо известно по записанному в Повести временных лет (далее – ПВЛ) преданию о восстании древлян против князя Игоря и его гибели. Это предание сохранило сведения о коллективных решениях древлян, о князе этого племени Мале и древлянской знати («лучшие мужи»). Но, как следует из его содержания, древляне не стремились к независимости. Напротив, они хотели установить брачный союз Мала и вдовы князя Игоря Ольги, сохраняя единство государства.

Как следует из всего комплекса письменных, археологических и лингвистических источников, в объективный процесс государствообразования включились также скандинавы после избрания на княжение конунга Рёрика словенами и кривичами, возможно, при участии представителей финно-угорских племен. Это избрание продолжило древнюю славянскую традицию избрания князя. По нашему мнению, появление в этом историческом предании Синеуса и Трувора – следствие свойственного индоевропейским народам фольклорного мотива «три брата».

Активное вовлечение восточнославянских племенных княжений и межплеменных союзов в процесс образования многоэтнического государства, в котором они составляли этнокультурную основу, – следствие объективных факторов: социально-экономического и политического саморазвития, а также формирования великих транзитных путей Балтийско-Волжско-Каспийского пути (вторая половина VIII в.) и Балтийско-Днепровско-Черноморского (рубеж VIII–IX вв.). Одним из основных назначений первого из них стал массовый импорт восточного се-

Русского к Русской Правде. М., 1988, второе исправленное и дополненное издание этой книги: *Свердлов М. Б.* Правда Русская. История текста. Великий Новгород, 2015; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003; см. там же указание исторических источников и исследовательской литературы.

ребра в конце VIII – начале XI в. Он обеспечивал серебром как сырьем и денежными знаками Восточную Европу, страны и народы Балтийского региона. Эти обстоятельства придали особое экономическое и социально-политическое значение в Восточной Европе с конца VIII в. Ладоге с ее многоэтничным населением, а с начала X в. – Новгороду как центрам ремесла и торговли, месту сбора торговых и проездных пошлин.

Находясь в Ладоге, Рёрик-Рюрик исполнял функции восточнославянского князя, защищая местное население от нападений викингов, осуществляя управление. Позднее он переселился в исток Волхова на так называемое Рюриково городище в район восточнославянских сельских поселений⁴. О внешнеполитической и военной активности Рюрика свидетельствует предание о поселении его фольклорных братьев Трувора в Изборске, Синеуса в Белозерье и о его единовластном княжении на всем этом пространстве после их смерти. Таким образом, это предание указало на подчинение Рюриком своей власти многочисленных финно-угорских племен на этой обширной территории. Такое благоприятное положение Ладоги и Новгорода, начало раннегосударственного образования со своей княжеской династией Рюриковичей, возможность накопления значительных средств и, следовательно, найма воинов-варягов создало возможности для подчинения северо-западным государственным образованием Рюриковичей другого восточнославянского раннегосударственного образования с центром в Киеве, где князьями являлись в разное время Аскольд и Дир. Это событие произошло по летописной хронологии в 6390/882 г. Тогда князь Олег, вероятно, дядя по материнской линии маленького Игоря Рюриковича, его «кормилец»-воспитатель, в качестве реального правителя и преемника Рюрика на княжеском столе объединил под своей властью племенные княжения вдоль Балтийско-Днепровско-Черноморского пути. После перенесения княжеского стола в Киев Олег продолжил подчинение восточнославянских племенных княжений в южной части их расселения. Закономерным продолжением такой политики стал его поход на Константинополь в 907 г. Его следствием явилось заключение русско-византийского договора 911 г. или двух договоров – 907 и 911 гг. (данный вопрос дискутируется).

Основным содержанием этого или этих договоров стали максимально благоприятные для русских послов и купцов условия пребывания в Константинополе, право беспошлинной торговли, регулирование разного вида русско-византийских отношений, межгосударственных и

⁴ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб., 2005.

обеспечения безопасности и прав личности (их содержание – особая исследовательская тема). После традиционных тридцати лет исполнения действия договора 911 г. князь Игорь организовал в 941 г. поход на Константинополь, чтобы заставить византийских императоров заключить с ним новый договор на тех же условиях. Этот поход потерпел поражение, но уже поход нового войска в 944 г. вынудил империю заключить новый русско-византийский договор практически на тех же условиях.

В соответствии с наиболее обоснованной гипотезой Я. Малингуди, сохранившиеся тексты договоров представляют собой списки, внесенные в X в. в официальную византийскую копиянную книгу⁵. Можно предположить, что с них были сделаны списки в связи с заключением в 988–989 гг. династического союза князя Владимира Святославича и порфирородной принцессы Анны, сестры императоров-соправителей Василия II и Константина VIII.

В текстах договоров 911 и 944 гг. содержатся правовые нормы с указанием их принадлежности к Закону Русскому⁶. Это название является обратным переводом с греческого языка восточнославянского «Правда Русская». Данное наблюдение многократно излагалось с различающимися интерпретациями в предшествующей литературе. Оно подтверждается содержательным и текстуальным совпадением ее правовых норм о кровной мести (ст. 4, 911 г.; ст. 13, 944 г.; ст. 1 КПр), о судебном штрафе за удары оружием или предметами (ст. 5, 911 г.; ст. 14, 944 г.; ст. 3, 4, КПр). Эти совпадения, а также указание Закона Русского в ст. 6 договора 944 г. о судебном наказании за кражу свидетельствуют о том, что Правда Русская уже существовала на Руси в качестве основного источника права. Поэтому Закон Греческий с его давней правовой традицией и Закон Русский в равной мере были указаны в русско-византийских договорах для решения правовых коллизий на международном уровне.

Вне зависимости от происхождения этнонимов, хоронимов и политонимов с корневой основой *рос-*, *рус-* государство Русское формировалось во второй половине IX–X в. как многоэтническое на восточнославянской этнокультурной основе. Такое его понимание было очевидно на Руси XI – начала XII в. В данной связи автор ПВЛ написал: «Се бо токмо словенескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговиче <...>. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси:

⁵ Malingoudi J. Die russisch-byzantinischen Vorträge des 10. Jhts. Aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994.

⁶ Здесь и далее нумерация статей приведена в соответствии с изданием: Памятники русского права / сост. А. А. Зимин. М., 1952. Вып. 1.

чюдь, мера, весь <...>: си суть свои языкъ имуще <...>⁷. Византийский император Константин VII Багрянородный в середине X в. называл это государство Ρωσία – «Росѣа» в своем обобщающем труде «Об управлении империей». Он был написан на собственных познаниях Константина, на донесениях византийских агентов и архивных материалах. С начала XI в. в западных латиноязычных письменных источниках эта страна устойчиво называлась близким по форме и содержанию одним, хотя и вариационным хоронимом – Russia, Ruszia, Ruzzia и т. п.

Здесь же Константин Багрянородный сообщил важнейшие сведения о государственном устройстве «Росѣи» того времени. В киевское правление Игоря, «великого князя рускаго», как он назван в русско-византийском договоре 944 г., юный тогда Святослав находился в Новгороде. Это сообщение свидетельствует о том, что в стране, несмотря на ее обширные пространства, была установлена система единого руководства. Святослав с княжими мужами своего отца контролировал дальний от Киева важнейший северо-западный регион государства с его речным путем на Балтийское море. Значимость Новгорода в это время заключалась также в том, что он являлся составной частью экономической, политической, исторической, идеологической оси Киев – Новгород. Судя по устойчивой традиции сажать в X – первой половине XII в. киевскими князьями, а со второй половины XII в. и другими князьями своих сыновей, преимущественно старших, в Новгороде, эти функции город сохранил для страны в целом до начала XIII в.⁸

Как следует из сообщения Константина Багрянородного, прямое великокняжеское управление в «Росѣи» того времени осуществлялось посредством полюдья – разезда из Киева великого князя, членов его семьи и знатных княжих мужей по племенным княжениям, «славиниям», где совершали их объезд. Там они выполняли великокняжеской властью административные и судебные обязанности, собирали натуральные и денежные подати – «дани» и «кормились» (Константин Багрянородный использовал адекватный русскому глагол διατρέφω), то есть получали от населения натуральное и денежное обеспечение во время пребывания в конкретной местности. Содержание такого «кормления» сохранилось, вероятно, в Поконе вирном КПр, но оно еще не было ограниченным, как в Поконе вирном, во времени, в собираемых деньгах и продуктах. Термин «корм» стал в последующей средневековой русской действительности названием денежного и продовольственного обеспечения за исполнение значительной административно-судебной должности.

⁷ Повесть временных лет / подг. текста, пер., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996 (далее – ПВЛ). С. 10.

⁸ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 179–181, 340–341 и след.

Такая государственная структура «Росии» объясняется ее потестарным происхождением. Этот вид образования раннесредневековых государств характеризовался установлением власти мирными или военными средствами над племенными княжениями. Но в «Росии» того времени формировались также обязательные вневременные институты государства: публичная власть – княжеская династия Рюриковичей, фиксированная податная система от «дыма» – дома, хозяйства малой семьи, и войско.

Формировался в «Росии» того времени и четвертый обязательный государственный институт того времени – юридическая система. Ранее было отмечено содержательное совпадение правовых норм русско-византийских договоров 911, 944 гг. с указанием их принадлежности к Закону Русскому и норм КПр. Этот факт позволяет сделать вывод, в соответствии с которым уже в начале X в. существовал свод юридических норм, который являлся основным источником права в государстве «Росия». Он являлся законом, который учитывался во внутригосударственной юридической практике и при заключении международных договоров. Его нормы учитывались также при написании так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды (далее – Правда Ярослава). Но ст. 5 договора 911 г. и ст. 14 договора 944 г., ст. ст. 3, 4, 9 КПр о нанесении ударов рукой, оружием или отдельными предметами совпадают по форме и содержанию также с аналогичными древнейшими по происхождению нормами германских Правд, Салической (Lex Sal. XVII, 6, 7, 8), Баварской (Lex Baju. V, 1), Саксонской (Lex Sax. VI, VIII) и другими.

Эти наблюдения позволяют не только реконструировать эти статьи в нормативном составе Правды Русской X в., но также продолжить сравнение так называемой Правды Ярослава и германских Правд, которые были записаны в VI–IX вв. и в нормативный состав которых не были включены статьи, сформулированные в результате воздействия романо-германского этнокультурного синтеза. К такой группе германских Правд относятся Салическая, Баварская, Алеманская, Саксонская, Тюрингская, Фризская и др. Германскими Правдами, нормативный состав которых сформировался под значительным влиянием романо-германского этнокультурного синтеза, являются Вестготская, Бургундская и др. Первая группа германских Правд отразила систему правовых норм на ранней стадии государственного строя⁹. В правовых отношениях, как и в системе хозяйствования, основанного на пашенном земледелии, германцы на стадии формирования раннегосударственного строя находились на одном с восточными славянами синхронно-стадиальном

⁹ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII вв. М., 1956. С. 48–58.

уровне исторического развития. В этих характеристиках данная группа германских Правд и Правда Русская X в. оказались ближе по нормативному содержанию, чем древнейшие записи Правд и судебныхников в других странах, формировавшихся в особых исторических условиях, – англо-саксонских (VII – первая четверть VIII в.), скандинавских и прибалтийских (XIII в., закон Гулатинга был записан в XII в.). В Болгарии и Сербии судебники формировались под значительным византийским влиянием, в Хорватии – Венеции и позднее Венгрии.

Юридическое содержание большей части статей Правды Ярослава совпадает с нормами древнейшей по содержанию группы германских Правд¹⁰. Статьи 2 КПП о ранениях и ударах с указанием судебного штрафа и оплаты врача за лечение соответствуют с определенными различиями в историкокультурной традиции *Lex Sal.* XVII, 4; *Lex Alam.* LIX, 1–5; *Lex Bajuuv.* V, 1–4; *Lex Fris.* XXII, 1–26; *Lex Sax.* I–V. Статьям 5, 6, 7 КПП с указанием судебных штрафов (ст. 6 дефектна в записи) об увечьях руки, ноги или пальцев аналогичны по форме и содержанию *Lex Sal.* XXIX, 1–8; *Lex Alam.* LXI, 1, 8, 9; LXIV, 1, 3; *Lex Bajuuv.* IV, 9–12; *Lex Fris.* XXII, 27–44 ff.; *Lex Sax.* XII, XIII; *Lex Thuring.* XIX–XXII.

В отличие от норм КПП о судебных наказаниях за угрозы и оскорбления действием за ус и бороду (ст. 8), за толчки (ст. 10), в германских Правдах значительное место отведено нормам, которые определяют наказания за словесные оскорбления, хотя в некоторых судебныхниках встречаются статьи о защите мужской чести в связи с хватанием за волосы, связыванием свободного человека: *Lex Sal.* XXXII; *Lex Bajuuv.* IV, 7; *Lex Sax.* VII. Б. А. Ларин обратил внимание на безглагольную конструкцию фразы в ст. 8 КПП: «а в усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне». В данной связи он отметил ее характерность для устной речи¹¹, что свидетельствует о ее происхождении из устного права.

Статья 11 КПП об укрывательстве челядина в чужом доме также аналогична по составу преступления и санкции статьям германской Правды, особенно Алеманской Правды, о переманивании и укрывательстве чужих зависимых людей (*mancipia*) и сервов: *Lex Sal.* XXXIX, 1; *Lex Alam.* LXXXVII; *Lex Bajuuv.* XIII, 9. Этот факт позволяет предположить существование такой статьи в Правде Русской X в., когда она была использована в русско-византийских договорах 911 г. (ст. 12) и 944 г. (ст. 3, 4). В ст. 11 КПП она отредактирована в применении к иноземцу варягу или колбягу, укrywшему беглого челядина (см. далее). Поэтому, если устранить явные следствия более позднего редактирования, то начальное содержание правовой нормы являлось таким: «Аще ли челядин

¹⁰ Здесь и далее см.: *Свердлов М. Б.* Правда Русская... С. 70–101.

¹¹ *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII вв.). М., 1975. С. 93.

съкрыется [любо у варяга, любо у кольбяга], а его за три дни не выведут, а познають и (его. – М. С.) в третий день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду». Но при совпадении состава преступления санкция статей договоров существенно отличается от санкции ст. 11 КПр. Особенности статей о беглой челяди в русско-византийских договорах и близость ст. 11 КПр к соответствующим статьям германских Правд и Эклоге позволяют сделать вывод о том, что ее норма была сформулирована в начале X в. или ранее, в отличие от отредактированных статей договоров 911 и 944 гг.

Статья 12 КПр о наказании за езду без спроса на чужом коне соответствует норме Салической Правды. Еще Штрубе де Пирмонт в середине XVIII в. отметил аналогичную статью в Ютландской Правде. Позднее исследователи указали аналогичные нормы в болгарском Законе судном людем и византийской Эклоге, предполагая в ст. 12 КПр византийское влияние. Между тем, существование тождественных норм в различных по происхождению памятниках, франкском, ютландском, русском, болгарском, византийском, свидетельствует о независимом происхождении этих статей, о чем писали Н. И. Ланге и Л. К. Гетц¹². Таким образом, можно обоснованно предположить, что источник ст. 12 КПр находился в составе Правды Русской X в.

Сложно содержание ст. 17 КПр: «Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнет не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне, а затым, где его налезуть удареныи той мужь, да бьютъ его». В многочисленных комментариях подчеркивалась защита в ней интересов холоповладельцев. Подразумевалось, что по более древней правовой норме холопа, ударившего свободного, следовало убить. Именно так решался данный правовой случай в большинстве германских Правд. Впрочем, в Саксонской Правде (начало IX в.) правотворчество франкских правителей или саксонских эделингов и фрилинов противопоставило древнему обычаю убийства зависимого за удар им свободного человека волю господина: «что бы ни совершил серв или лит по приказу господина, пусть отвечает господин» (ст. L), «если серв без ведома господина совершит какое-либо преступление, как, например, убийство или кражу, его господин платит за него штраф в соответствии с видом содеянного» (ст. LI). Эти правовые нормы соответствуют содержанию ст. 17 КПр. В соответствии с ее третьей статьей 12 гривен – судебный штраф за удар, нанесенный свободным человеком свободному мужу. Таким образом, удар холопа, взятого под защиту господином, приравнивали к удару самого господина, что объясняется приведенными ранее статьями Саксонской Правды.

¹² Правда Русская. Т. 2. С. 96–98.

Эти наблюдения разъясняют сложную предысторию ст. 17 КПр ко времени ее записи в так называемой Правде Ярослава. Сохранившаяся в ее составе норма восходит к обычному праву: «Аще холоп ударить свободна мужа, да бьютъ его» (в значении «убьют»). Следующий этап ее истории – государственное регулирование правоотношений до записи в ст. 17, аналогичное Саксонской Правде: «Аще холоп ударить свободна мужа, а господин начнетъ не дати его, то холопа пояти, да платитъ господин за нь 12 гривне, а за тым, где его налезуть удареныи той мужь, да бьютъ его». Третий этап – ее редактирование в применении к новгородским условиям. Отсюда появление часто используемого в новгородской письменности слова «хоромы» и редакционно неудачного повтора: «а бежить в хором, а господин начнетъ не дати его». Таким образом, правовая норма об ограничении убийства холопа, ударившего свободного мужа, сложилась до того, как она была записана в так называемой Правде Ярослава.

В научной литературе в полной мере обоснованно доказано происхождение нормы ст. 18 КПр о возмещении ущерба за повреждение чужого оружия и одежды, если хозяин оставит эту вещь у себя, как заимствования из Закона судного людем, судебника Первого болгарского царства, распространявшегося на Руси в списках вероятно, с XI в.¹³

Таким образом, сопоставление норм Закона Русского русско-византийских договоров 911 и 944 гг. и так называемой Правды Ярослава (ст. ст. 1–18), их анализ в контексте германских Правд позволяет реконструировать те нормы уже существовавшей в устной форме Правды Русской X в., которые Ярослав Мудрый использовал при составлении первого писаного свода юридических норм. Эти правовые нормы являлись частью Правды Русской – государственного закона, основного источника права «Земли Русской», «России» в X в. При этом следует учитывать, что реконструкция – только приближение к форме и содержанию изучаемого объекта.

В основе реконструкции находится более исправный текст Академического списка КПр, графика древнерусских письменных памятников не соблюдается.

[1] Убьеть мужь мужа, то мьститъ брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будетъ кто мьстя, то 40 гривен за голову.

[2] Аще кто будетъ кровав или синь надъражен, то мьстити себе; аще ли себе не можетъ мьстити, то взятии ему за обиду 3 гривне, а летцю мьзда.

¹³ *Калачев Н.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. С. 147–148; *Тихомиров М. Н.* Исследование... С. 58–59.

[3] Аще ли кто кого ударить батоном, любо жердью, любо пястью, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне.

[4] Аще утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятью, то 12 гривне за обиду.

[5] Аще ли утнеть руку и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривен.

[6] Аще ли утнеть ногу и отпадеть нога, любо усохнеть, то 40 гривен.

[7] Аще ли перст утнеть который любо, 3 гривны за обиду.

[8] А во усе 12 гривне, а бороде 12 гривне.

[9] Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тьи гривну положить.

[10] Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к себе, 3 гривне, а видока два выведеть.

[11] Аще ли челядин съкрыется, а его за три дни не выведуть, а познають и в третии день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду.

[12] Аще кто поедеть на чюжем коне, не прошав его, то положити 3 гривне.

[13] Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть где, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду.

[14] Аще познаеть кто, не емлеть его, то рци ему тако: поиди на свод, где еси взял; или не поидеть, то поручника за пять днии.

[15] Аще где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще будеть обидя не вдал будеть достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривне.

[16] Аще кто челядин пояти хощеть, познав свои, то к оному вести, у кого то будеть купил, а той ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце.

[17] Аще холоп ударить свободна мужа, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть удареный той мужь, да бьють его.

При определении социальной и юридической сущности правовых норм так называемой Правды Ярослава, первого писаного источника права, изданного Ярославом Мудрым, становится очевидным, что его назначением являлось решение проблемы общественно-политической: регулирование политических, социальных и правовых отношений княжеской власти, новгородцев, иноземцев варягов и колбягов после новгородского восстания 1015 г.

В связи с широким распространением в научной литературе мнения об использовании в КПР, и в частности, в так называемой Правде Ярослава, обычного права следует определить юридические категории

закон и *обычное право*. Эти понятия широко и без дефиниций используются в работах, посвященных истории текста и содержания Правды Русской, в связи с чем их характеристики в значительной мере субъективизированы. Здесь и далее под средневековым *законом* понимаются нормативный акт или свод нормативных актов, изданных верховной государственной властью и обязательных к исполнению в государственной судебной практике. *Обычное право* – система общественного регулирования правовых отношений на основе традиционных для данной местности обычаев, применяемых вне государственной судебной системы.

Учитывая содержание этих юридических терминов, так называемую Правду Ярослава следует характеризовать как княжеский закон, предназначенный для регулирования княжеской властью правоотношений в конкретных новгородских условиях середины 10-х гг. XI в. Его основное содержание составили нормы Правды Русской X в. Но они были отредактированы в соответствии с предназначением текста, изданного Ярославом.

Его первая статья фиксировала существующие ограничения права древней кровной мести только двумя поколениями кровных родственников убитого и равную виру в 40 гривен за людей разного территориального происхождения, вероятно, южнорусского (русин) и северного (словенин). Такая же равная вира определялась за людей разного социального положения: княжеского военного слуги (гридин), купца, княжеского служилого человека на государственной должности или в составе управления княжеского господского хозяйства (ябетник), члена княжеского административно-судебного аппарата (мечник), выходца из разных формирующихся сословий (изгой). Остальные статьи посвящены только судебной защите личности простых свободных людей, их чести и движимой собственности, судебной следственной процедуре. Статья 10 предоставляла судебную льготу иноземцам, варягу и колбягу, которые пострадали от толчков местного человека, но в отличие от него не смогли привести на суд двух свидетелей. В этом случае иноземцам достаточно было судебной клятвы. Другую льготу им предоставила ст. 11: варягу и колбягу разрешалось укрывать беглого челядина в течение трех дней.

Использование в так называемой Правде Ярослава дифференцированной системы штрафов, ее аналогичность по функциям при количественных различиях германским Правдам свидетельствует о том, что Правда Русская X в., нормы которой использовал и редактировал Ярослав, являлась законом, а не обычным правом. Его основу составляла восточнославянская, а не в широком значении германская, включая скандинавскую, правовая традиция. Об этом свидетельствуют указания

в правовых нормах Правды Русской, Краткой и Пространной, руки, ноги, пальца в целом, тогда как германским, а также скандинавским Правдам, свойственно судебное наказание за повреждение указанных рук, ног, левых и правых, конкретных пальцев и составляющих их частей в соответствии с анатомией человека.

Вместе с тем, в так называемой Правде Ярослава совершенно очевидна выборка юридических норм для определенной цели. В ней названы люди зависимые, челядин и холоп, но судебный штраф за их убийство не указан. В отличие от архаичных германских Правд, в ней не названы также люди высшего социального слоя, жизнь которых следовало защищать, не упомянуты господин людей зависимых, его дом и хозяйство. По данному своду юридических норм нельзя было осуществлять правосудие в сложной системе раннесредневековых правоотношений, в отличие от архаических германских Правд, что еще раз обращает внимание на целенаправленность выборки юридических норм, изданных Ярославом Мудрым в связи с событиями 1015–1016 гг. Данные функции осуществлялись княжеским судом в X в. на основе пока устного по форме нормативного состава Правды Русской (Закона Русского).

Данные наблюдения были изложены с определенными отличиями в 1988 г.¹⁴, а также в ранее опубликованных работах. В 1999 г. была посмертно опубликована монография А. А. Зимина (1920–1980) «Правда Русская». Ее содержание до издания было неизвестно, хотя автор этих строк, разумеется, учитывал в своей работе предшествующие исследования на эту тему А. А. Зимина, который в своем обобщающем труде отметил и его наблюдения.

Автор этих строк в значительной мере поддерживает обобщающие выводы А. А. Зимина: «Составляя свою Правду, князь Ярослав преследовал совершенно конкретную цель – путем выдачи определенных правовых гарантий, предохраняющих новгородцев от насилий, творившихся княжеской (особенно варяжской) дружиной, обеспечить поддержку Новгорода в предстоящей борьбе за Киев и великокняжеский престол. Поэтому Древнейшая Правда ограничивается изложением норм, касающихся правовых санкций за убийство, оскорбления и кражу. Поэтому выводить заключения о правовом и социальном строе Древней Руси на основании одной Древнейшей Правды без учета особенностей ее составления – нельзя. <...> До начала XI в. на Руси обычное право сосуществовало с нормами международного права, а также отдельными распоряжениями, относившимися к жизни княжеской вотчины. Теперь же впервые создан был законодательный кодекс, который после победы Ярослава над Святополком приобрел общерусское значение. Этот ко-

¹⁴ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 8–73.

декс базировался на нормах местного права (обычного и княжеского), развитых и дополненных Ярославом»¹⁵.

В отличие от некоторых из таких выводов, автор этих строк пришел к наблюдениям, в соответствии с которыми в так называемой Правде Ярослава, или Древнейшей Правде использовано не обычное право, существующее наряду с княжеским законом, а устная Правда Русская (Закон Русский) – княжеский, государственный закон. В статьях 1–17 КПр норм, относившихся к княжеской вотчине, нет.

Характеристика А. А. Зиминым так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды как «законодательного кодекса» обращает внимание на необходимость определения юридического содержания изданных Ярославом статей 1–17 КПр. Учитывая обстоятельства их написания, избирательность и целенаправленность их ограниченной по предназначению выборки, можно сделать вывод, что они представляли собой грамоту юридического содержания, данную Ярославом новгородцам, для регулирования их правовых отношений с варягами в новых условиях отсутствия Ярослава в Новгороде. Вероятно, автор Начального свода (1093–1095), сохранившегося в составе Новгородской первой летописи, или новгородский летописец точно передал смысл этих статей, когда написал, обобщая их содержание после денежного вознаграждения Ярославом новгородцев: «<...> и дав им правду, и устав списав, тако рекши им: “По сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите”»¹⁶. Вероятно, за этим текстом следовали статьи 1–17 КПр, но в последующей истории летописного свода они были заменены сводным текстом Краткой Правды Русской, вместо которой в более позднем летописании появилась Пространная Правда Русская¹⁷.

Значение так называемой Правды Ярослава или, вероятно, более обоснованно, грамоты со сводом юридических норм избранного содержания, данной князем Ярославом Новгороду, в конкретных общественно-политических обстоятельствах 1015–1016 гг. велико. Она свидетельствует о формировании в обширном государстве, которое византийцы в середине X в. называли «Росѣа», западные современники Ярослава Мудрого – «Руссия» с производными от этого названия формами, на самой Руси – «земля Русская», развитой системы устного права, которая являлась княжеским законом (Правда Русская, Закон Русский). Им руководствовались великий князь русский и его служилые княжие мужи в

¹⁵ Зимин А. А. Правда Русская. С. 98.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 175–176.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 134–153.

судебном процессе, учитывая его нормативный состав, включавший развитую денежную систему фиксированных судебных штрафов.

Обращает внимание свобода и корректность юридического мышления на Руси начала XI в. Когда в 1015–1016 гг. понадобилось издать на основе действующей правовой системы новый источник права для решения государственных общественно-политических задач, он был создан в виде так называемой Правды Ярослава, или грамоты юридического содержания. Всего через 25 лет после принятия на Руси христианства в качестве государственной религии, распространения кириллической письменности стала формироваться система светского писаного права. В Каролингской империи германские Правды фиксировали на латинском языке сложившиеся нормативные системы в их полном составе, одновременно учитывая опыт писаного права в зоне романо-германского этнокультурного синтеза, то на Руси вследствие объективных причин, недавнего распространения кириллической письменности формирование светского писаного права отставало от процесса развития социально-экономических, политических и правовых отношений. Ярослав Мудрый много сделал, чтобы продолжить создание системы писаного права, начатого изданием Правды, или грамоты юридического содержания (статьи 1–17 КПр) в связи с событиями 1015–1016 гг. Анализ этого вида его правотворчества – тема особого историко-правового изучения.